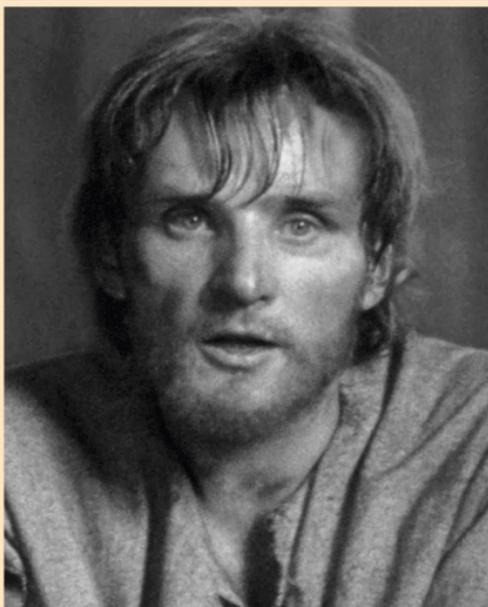

АЛЕКСЕЙ СОЛОНИЦЫН

АНАТОЛИЙ СОЛОНИЦЫН

*Зеркало
Маями*

Анатолий Солоницын был для режиссеров *идеальным исполнителем*. Ради работы он *шел на любое самоотречение*

Роль Андрея Рублева стала для Анатолия такой, за которую не жалко было отдать жизнь

Писатель из «Сталкера» стал одной из лучших его работ в кино

Предложение сыграть **Достоевского** актер принял с лихорадочной решимостью

Странствия артиста вместе с Андреем Тарковским

Алексей Алексеевич Солоницын
Анатолий Солоницын.
Странствия артиста: вместе
с Андреем Тарковским
Серия «Зеркало памяти»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67957233

*Анатолий Солоницын. Странствия артиста: вместе с Андреем
Тарковским / Алексей Солоницын: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-150101-3*

Аннотация

Анатолий Солоницын – человек разбуженной совести, стремящийся к высоким стандартам во всем: актерской игре, отношении к людям, ощущении жизни, безукоризненной строгостью к себе. Именно поэтому он оказался востребован лучшими кинорежиссерами отечественного кино своего времени. Его творческий путь озарили такие великие люди\звезды, как Андрей Тарковский, Никита Михалков, Сергей Герасимов, Глеб Панфилов, Лариса Шепитько, Вадим Абдрашитов. Их фильмы и, прежде всего, гения русского кинематографа Андрея Тарковского, вошли в золотой фонд мировой культуры.

В книге «Странствия актера с Андреем Тарковским» родной брат артиста Алексей Солоницын рассказывает о непростом пути актера, так рано ушедшем из жизни, о фильмах «Андрей Рублев», «Зеркало», «Сталкер» и других шедеврах кино, о вере, победившей все преграды и испытания.

Это издание книги дополнено рядом глав, рассказывающих о событиях детства и юности, а также поры творческой жизни.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Анатолий Солоницын. Странствия артиста: вместе с Андреем Тарковским	7
От автора	7
Остров на Волге	10
Река	19
Берег реки	30
Райские яблочки	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Зеркало
памяти

**Алексей Солоницын
Анатолий Солоницын.
Странствия артиста:
вместе с Андреем
Тарковским**

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,*

*Но с благодарностью: были.
Василий Жуковский*

В книге использованы фото из личного архива автора, а также фондов Киноконцерна «Мосфильм» и ФГУП МИА «Россия сегодня»

На переплете – кадр из фильма «Андрей Рублев»

© А.А. Солоницын, текст, 2022

© РИА Новости

© Киноконцерн «Мосфильм» (кадры из фильмов)

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Анатолий Солоницын.

Странствия артиста: вместе с Андреем Тарковским

От автора

На Ваганьковском кладбище старые липы и клены опять покрылись молодой листвой. Сколько помню себя, на Пасху всегда ясное небо, солнце, мягко и ровно освещающее землю и все, что есть на ней.

В душе боль, но этот небесный свет успокаивает, воскрешает в памяти пережитое, и сами собой плывут перед глазами воспоминания – как легкие облака в вышине.

Могила Владимира Высоцкого завалена цветами. Дальше, за Воскресенским собором, я нахожу оградку – здесь лежит Олег Даль. Цветы, крашеные пасхальные яйца, записки, детские игрушки.

Иду по писательской аллее, к тридцать седьмому участку, и еще издали замечаю знакомый белый силуэт надгробного памятника. Будто тоненькая белая свечка, стоит он – скромный и тихий, под клейкими молодыми листьями.

Кирпичная арка, а в ней в образе Андрея Рублева шагнул нам навстречу актер, подаривший миру лицо великого ико-

нописца.

Я зажигаю свечку на могиле старшего брата и думаю не только о нем, но и обо всех его ровесниках, которые ушли из жизни, недолюбив, недосказав всего, что хотели сказать, недоиграв заветной роли.

Рядом с могилой брата покоится могучий Виктор Авдюшко, которому, казалось, жить сто лет.

На Новодевичьем лежит Василий Шукшин, на русском кладбище под Парижем – Андрей Тарковский. Нет Геннадия Шпаликова, нет Ларисы Шепитько, нет Александра Кайдановского, как нет многих шестидесятников, тех, кто, несмотря ни на что, создавал киноискусство вопреки пошлости и приспособленчеству.

Они ушли потому, что двигались против течения, которое было очень сильным, хотя то время окрестили застойным. А смертельная болезнь была лишь следствием – она, как пуля, настигла их на взлете творческого горения.

Они не хотели и не могли лгать.

Они жили в согласии с совестью.

И заплатили за это самую высокую плату – жизнь.

Теперь я знаю, что боль подобна камню, упавшему в воду. Вода на поверхности успокаивается, а камень так и остается навсегда лежать на дне.

И в то время, когда вода становится гладкой, когда сквозь толщу ее видишь и ход рыб, и движение водорослей, и камни на дне, тогда можно вспоминать, можно разобраться в про-

шедшем.

К тому же я не один – о старшем брате моем, заслуженном артисте РСФСР Анатолии Солоницыне, будут размышлять и вспоминать те, кто работал с ним и кто хорошо его знал.

Прожил он недолго – 47 лет. А все же немало успел сделать. Есть среди его работ такие, что долго будут жить в истории театра и кино.

Но не только это заставило меня взяться за перо. Его характер был особенным, непохожим на другие. Он таил в себе что-то такое, что останавливало, удивляло, заставляло задуматься – о творчестве, о самой жизни, о вере... О том, как мы стихийно, а потом осознанно шли к Богу.

Именно об этом я и написал.

Остров на Волге

Много у нас было заповедных мест, но ни одно из них не могло сравниться с Зеленым островом. Здесь огород, к которому идешь, как по лесу, – утопанная тропа ведет, петляя, между высоких ветел, осокорей, зарослей ивняка; здесь рыбалка – с мостков, откуда можно и нырнуть, когда надоест рыбалить, и озерцо, что в середине острова.

А ночевка в шалаше, а костерок, а рассказы отца, а сами сборы на Зеленый – с вечера, потому что уезжали на остров затемно, чтобы успеть на утреннюю зорьку...

На Зеленый ходили три парходика – «Решительный», «Свобода», «Смелый». Вечные споры: какой парход будет сегодня? Отец стоял за «Решительного», я предпочитал «Свободу», а Толя – «Смелого».

«Смелый», почти катерок, был самым быстроходным, и то-то сияли глаза брата, когда к пристани подруливал именно «Смелый», а потом бежал по воде, как взаправдашний парход, и пенная волна закручивалась, как стружка от фуганка... Мы, угнездившись на носу «Смелого», постукивали удочками и напевали:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход...

И сейчас, даже не закрывая глаз, вижу я Зеленый, ощущаю запахи ивняка, прибрежных водорослей, слышу, как неожиданно всплескивает рыба. Никаких других звуков нет, солнце встает, по ровной, будто отполированной, поверхности воды скользят на тонких ножках неутомимые водяные пауки. Замерли наши поплавки – из пробок, с белыми перьями...

Раз, раз – и поплавок вдруг ушел под воду, и сердце тоже будто нырнуло, и ты дергаешь удочку на себя, и трепещет, вспыхивая на солнце серебристо-зеленым и розовым, крепкий, тугой окунек.

Однажды совсем не клевало. Ушли с мостков на озерцо. Уже солнце стало палить, уже отец сказал свое привычное: «Довольно рыбки половили, пора и удочки смотать», как Толя выдернул из воды щуку. До этого мы ловили шурят, да и то редко, а тут попалась матерая хищница с гибким и сильным телом. Не знаю, какого размера она была на самом деле, но в памяти осталась громадная рыбина. Она сорвалась с крючка, упала у самой воды. Мы, онемев от удивления, смотрели, как она, ударяясь о землю, высоко подпрыгивает. Каждый раз она могла уйти в воду.

– Держи ее! – опомнившись, крикнул отец, и Толя повзвончив бросился к щуке и ухватил ее. Но в ту же самую секунду громко вскрикнул – щука больно укусила его за палец.

– Держи, не бойся! – мы с отцом бежали по песку и видели, как Толя опять бросился к щуке, ухватил ее и ударил

оземь. И только после этого кинул рыбину в ведро.

У щуки была длинная морда, острые зубы. Глаза круглые, стеклянные. Она никак не хотела смириться, что кто-то, более сильный, победил ее, и время от времени начинала бешено колотить хвостом по стенкам ведра.

На пароходе, когда мы возвращались домой, щука перевернула ведро и вывалилась на палубу.

К нам подходили пассажиры, удивлялись рыбине. Отец объяснял, как она попала: на крючке оказался малек, щука проглотила его, специально ее не ловили...

Толя смотрел на щуку не с гордостью, а с ненавистью.

– Фашистское отродье, – сказал он.

– Почему? – отец рассмеялся. – Укусила, что ли?

Но дело заключалось не в этом. Видимо, в этой щуке было что-то особенно хищное, жадное и злое, что поразило Толю навсегда.

Когда ему было особенно трудно, когда попадались люди, которые подводили, а иногда и предавали, он вспоминал про щуку и говорил: «Помнишь, глаза-то у щуки какие были? Оловянные. Вот и у этого человека такие глаза. И зубы такие же – мелкие, острые и ядовитые».

Щука запомнилась еще и потому, что отец рассказал историю, связанную с его рождением.

Федор Иванович Солоницын, наш дед, был сельским врачом. Его семья жила в селе Ошминское Тоншаевской волости Костромской губернии (теперь это Тоншаевский район

Нижегородской области).

Дед был страстный рыболов и охотник. Однажды, в пору, когда его жена, Прасковья Григорьевна, была беременна, он взял ее с собой на рыбалку: одну побоялся оставить. И вот попалась ему большая щука – она так же, как у Толи, сорвалась с крючка. Прасковья Григорьевна кинулась за щукой, поймала ее, да тут-то родовые схватки и начались...

Дед наш, Федор Иванович, был человеком примечательным. Он совершенно спокойно приезжал в тифозные деревни и лечил крестьян. У него был твердый, властный взгляд – лечил он и гипнозом. Выписывал медицинские журналы из разных стран и за внимание к Нью-Йоркскому гипнотическому обществу был избран почетным его членом.

В двадцать первом году, когда не было ни медикаментов, ни еды, он заставлял собирать травы, заваривать кору деревьев. Многих он спас, а сам не уберегся – заразился и сорока пяти лет от роду умер.

Отец остался в семье старшим. Было ему пятнадцать лет, но пришлось взять на себя заботу о семерых младших братьях и сестрах. Работал он дорожным рабочим, телефонистом, потом на химзаводе в поселке Вахтан. В шестнадцать лет его избрали «завэкономправом» в комсомоле – то есть он отстаивал экономические и правовые интересы молодежи. А в двадцать лет выбрали председателем завкома химзавода. С этой поры начинается его газетная деятельность: в заводской газете, затем, после окончания коммунистического ин-

ститута журналистики (КИЖ), – на посту редактора районной газеты в городе Богородске. Отца приглашают в «Горьковскую правду», где он работает ответственным секретарем редакции. А потом становится собственным корреспондентом «Известий».

В городе Богородске Горьковской области 30 августа 1934 года родился Анатолий.

Здесь я должен сделать пояснение.

Отец наш в юности своей был человеком романтическим. В те дни, когда имена героев челюскинской эпопеи были у всех на устах, в нашей семье родился первенец. Именем научного руководителя экспедиции Отто Юльевича Шмидта отец решил назвать своего сына. Но, когда началась война, мы, дети военного поколения, иначе стали воспринимать немецкие имена. Вот почему еще в детстве брат переименовал свое имя Отто на Анатолий. И с этим все в нашем доме согласились.

Отец, чья фамилия не раз появлялась на страницах «Известий», в 1964 году получил объемистое письмо от краеведа Горьковской области П. С. Березина. В письме был очерк о нашем предке Захаре Степановиче Солоницыне. Так само собой получилось, что мы узнали об одном из колоритнейших наших пращуров. Хочу рассказать о нем не из-за моды, а потому, что Захар Степанович – личность крайне интересная. А самое главное (как это ни странно может показаться) – судьба его отозвалась в судьбе брата.

Захар Степанович родился во второй половине XVIII века, умер в первой четверти XIX-го. Был он летописцем из починок Зотово Тоншаевской волости Костромской губернии (теперь деревня Зотово находится на территории Нижегородской области). Личность грамотного крестьянина, ставшего летописцем, не может не заинтересовать.

Починок Зотово был основан почти 200 лет назад крестьянином Зотом Безденежных и Захаром Солоницыным. Оба новосела были выходцами из Касинской волости Вятской губернии.

У одного из потомков Захара Солоницына сохранился портрет, написанный масляными красками на крестьянском холсте. С холста смотрит человек, уже поживший, с длинными черными волосами, курчавой бородой, темными глазами. Взгляд испытующ, суров... В руке он держит книгу, там текст:

«Помышляю день страшный и плачу деяний моих лукавых...»

Как я выяснил позже, отыскивая, откуда взята эта строка, оказалось, она из Псалтыря. Псалтырь разбит на кафизмы (разделы), вслед за которыми при богослужении поются тропари (это краткое содержание праздника сего дня).

Искомая строка оказалась в кафизме десятой, в тропаре, идущем за Псалмом 76.

Как пишет П. С. Березин, старшие потомки Захара Степановича утверждали, что портрет написан самим Захаром.

Об этом говорил в 1964 году 73-летний праправнук Захара Степановича, колхозник из деревни Тихоновская Константин Николаевич Солоницын. Он передал краеведу несколько разрозненных книг, написанных Захаром Степановичем. Это наставления и поучения в духе христианской морали. Есть у него и книги светского содержания.

Читая их, нельзя не обратить внимание, что автор получил хорошее по тому времени образование в стенах духовного учебного заведения.

В исторических статьях сборника прошлого века «Костромская сторона»¹ есть неоднократные ссылки на труд Захара Степановича, которого называли «ветлужский летописец». Использовали труд Захара и авторы «Истории Российского государства» (Москва, 1866), книги «Столетие Вятской губернии» (Вятка, 1881), другие историки.

Почему же энергичный исследователь края с незаурядными способностями, образованный человек, обладавший еще и талантом иконописца, не мог найти себе места на родине, а жил в лесной глуши?

П. С. Березин предполагает, что дело тут заключается в товарище Захара Степановича, В. Я. Колокольникове. Учились они в Славяно-греко-латинской семинарии, которая размещалась в стенах Трифонова монастыря. Это было в то время единственное среднее учебное заведение Вятской гу-

¹ См.: Костромская сторона. Кострома, 1892. Вып. 2; Описание Костромской губернии. Кострома, 1861.

бернии.

Колокольников как лучший выпускник учится на медицинском факультете Московского университета, затем в Лейденском, Геттингенском университетах. Этого незаурядного человека по тайному приказу Екатерины II задерживают на границе при возвращении домой, отбирают письма, бумаги и под арестом отправляют в Петербург, в Тайную экспедицию. Среди бумаг Колокольникова вполне могли быть и письма его товарища Захара Солоницына. Вот почему он оказывается в починке Зотово – как подвергнутый наказанию. Вот почему и на своем автопортрете он начертал покаянные строки из Псалтыря.

«Поиски рукописей Захара Степановича Солоницына продолжаются, – пишет в своем очерке П. С. Березин. – Продолжается и изучение биографии ветлужского летописца».

И во время учебы, и в первые годы работы ничего этого о своем предке мы не знали. Но к тому времени, когда Анатолий на свой страх и риск собрался ехать в Москву, на первую в своей жизни кинопробу, отец как раз и прислал ему очерк о нашем пращуре, чтобы поддержать сына.

Анатолий никому не рассказывал об этом. Но в последние свои дни, когда мы с ним говорили о самом главном, он сказал:

– Я бы не поехал... Я бы не стал мучить себя... Но я поверил, что играть великого русского иконописца должен именно я. Потому что у кого же из актеров есть такой предок, как

Захар Солоницын? Они увидели, что не самолюбие привело меня на съемочную площадку, а что-то другое... Что-то такое, о чем они не знали, а лишь догадывались. Когда они смотрели на меня, ими овладевало беспокойство... И только потом они поняли, что эта роль – моя...

Река

После войны, в сорок пятом, мы переехали в Саратов, на родину матери. Но как бы и не переехали: все равно остались на Волге. Однако и дом, и улица не походили на прежние. Мы поселились у бабушки, Анны Христофоровны, в заводском пригороде. Улица называлась Двенадцатый Вокзальный проезд.

Поросшая травой, с деревянными домами, садами-огородами, голубятнями, она, как и все заводское, очень походила на деревню.

Но когда мы отправлялись на Волгу, то, перейдя через железнодорожный мост, сразу оказывались в совершенно ином мире – городе.

Походы на Волгу были связаны со множеством впечатлений. И, чем старше мы становились, тем лучше понимали, что отношения с миром, с Волгой выяснить не так-то просто.

Река была не такой, как теперь. Она мощно несла свои воды, полные силы и жизни. Теперь Волга состоит из громадных водохранилищ. Течения почти нет, рыбы мало. Да, река была другой – с тугими и опасными воронками, с заводами, где она нежилась и как бы отдыхала после долгого бега к морю; с плесами, которыми любовался всякий, кто вырос или хоть раз побывал на Волге.

Река казалась то ласковой, доброй, и не хотелось уходить

от нее до позднего вечера, пока солнце не скатывалось за дальние увалы, а вода не становилась темной; то представляла коварной, предательской – подхватывала течением, и я, выгребая к берегу, чувствовал, что вода засасывает и мне уже не выбраться.

И когда, шатаясь, выходил на песок и валился, тяжело дыша, думал: «Никогда больше не буду заплывать далеко». Но проходил час-другой или день-два, и снова я смотрел, как сверкает вода под солнышком, манит, завлекает. Я понимал, что опасность не миновала, что снова могу попасть на быстрину или в воронку, и снова будут таять силы, а берег будет по-прежнему далеко. Но вода вспыхивала на солнце, и я заходил в нее, улыбаясь и ёжась, и плыл вперед.

Однажды ребята старше нас решили переплыть Волгу с Зеленого острова. Ввязались и мы с Толей. Плавали мы неплохо, но Толе нельзя было мочить голову – у него болели уши. Болезнь началась из-за того, что однажды на Зеленом Толю в ухо укусила оса. Он прихлопнул ее, но не убил, и оса оказалась внутри уха. Выкурить ее оттуда мы пытались по-разному, но безуспешно. Оса время от времени оживала, и у Толи начались нестерпимые головные боли. На пароходе, когда мы возвращались домой, он даже терял сознание. Беда казалась ужасной и непоправимой, ухо у Толи распухло, как от мощнейшего удара. Он стонал и отвечать на вопросы любопытных пассажиров не мог.

Толю выручила бабушка, которую у нас в доме звали Ба-

баней. Она налила подсолнечного масла Толе в ухо и заставила прыгать на одной ноге.

Оса вылилась вместе с маслом. Бабаня протерла Толино ухо какой-то настойкой и уложила его спать.

С тех пор Толя боялся, как бы что-нибудь не попало ему в уши – даже вода. Однажды это случилось, и он опять мучился.

Тогда он научился плавать почти стоя, торчком и никогда не мочил голову и не нырял.

Вот почему я был против того, чтобы он плыл с нами на левый берег Волги.

– Ничего, где наша не пропадала! – и он вошел в воду и поплыл, стараясь не отстать от ребят, которые, хихикая, поддразнивали его.

Сначала плыли кучно, но Толя стал отставать. Я плавал лучше и поэтому держался около него – на всякий случай. Кроме того, у меня был козырь: если уставал, я ложился на спину, раскидывая руки и ноги, и так выучился отдыхать.

В этот раз как назло пошла волна – сначала мелкая, потом крупней, и, когда я перевернулся на спину, решив использовать свой коронный прием, вода захлестнула мне лицо, и я изрядно нахлебался.

– Ты чего? – услышал я крик брата.

«Все нормально», – хотел ответить я бодро, но ничего у меня не получилось.

Течением нас сносило вниз по Волге. Мы теперь были да-

леко от того места, куда намеревались приплыть. Ребята были впереди, довольно далеко от нас, да и каждый рассчитывал только на свои силенки.

Я попробовал отдохнуть еще раз – и опять нахлебался.

Сил становилось все меньше, плыть я устал.

Толя оказался рядом и, поймав меня за бок, толкнул вперед:

– Давай!

Я разозлился, что меня больно толкнули, и опять стал продвигаться вперед.

Но недолго.

Во всем теле была вялость, силы улетучились – как воздух, выпущенный из велосипедной шины.

– Давай! – При каждом гребке Толя поворачивался ко мне. Глаза его были вытаращены и блестели.

– Давай! – И он опять больно толкнул меня.

Я увидел, что голова его мокрая, волосы слиплись: когда он толкал меня, волна накрыла его.

Небо затянулось неизвестно откуда взявшимися тучами, стало темно и страшно. Я понял, что пропадаю – больше бороться за жизнь не мог. Закрыв глаза, я пошел на дно, и ноги мои вдруг встали на песок. Из горла вырвался странный звук – то ли я хихикнул, то ли всхлипнул.

Попробовал встать на песок и Толя, но ушел под воду. Он тут же вынырнул, лицо его было перекошено от боли и досады.

Я понял, что стою на песчаной косе, и протянул Толе руку. Он ухватился за меня и встал на дно.

В это время чиркнула молния, пошел дождь. Пробираясь вперед по песку и каждую секунду боясь потерять найденный путь к спасению, мы вышли на берег, дрожа, как щенята.

Дождик скоро прошел, выглянуло солнышко. Мы отогрелись...

Обратно на Зеленый нас перевез на лодке незнакомый рыбак, увидевший наше бедственное положение.

Дом Бабани, Анны Христофоровны Ивакиной, был разделен на две половины. Мы жили с Бабаней, а на другой половине жил старший из Ивакиных – дядя Гриша.

Кузьмы Осиповича Ивакина, деда, уже не было в живых. О нем расскажу особо – мама ездила в Саратов после кончины Бабани уже из Фрунзе, куда отца перевели из «Известий» собкором. Она и привезла оставшиеся от ее отца, нашего деда, Евангелие, Акафисты и еще его тетрадь с выписками из трудов Святых отцов. Погибли на войне его средние сыновья – наши дядья Иван и Николай. Для нашего рассказа примечателен, конечно, Николай Ивакин – из-за него-то я и рассказываю о маминой родне.

Работать он начал рано – слесарем в вагоноремонтных мастерских. Здесь он встретился с веселым, бойким пареньком – Виталием Дорониным. Они подружились. Общей у них оказалась не только страсть к голубям. Главная страсть была

– театр.

Они ходили в кружки художественной самодеятельности. Встретились с еще одним парнем, который бредил театром. Этот был рослый, сильный – вроде циркового борца. А лицо добродушное, свойское. Звали его Борис Андреев.

Скоро всем троим художественная самодеятельность надоела, и они решили определять судьбу. Виталий Доронин и Николай Ивакин с деревянными чемоданчиками поехали покорять Москву, а Борис Андреев решил, что можно учиться и в Саратове, – он поступил в студию при местном драмтеатре.

Через годы они снова встретятся в Москве, а пока судьба более всего благоволит к Николаю Ивакину – он первым начинает сниматься в кино.

Хорошо сложенный, с живыми карими глазами, основательный, умеющий быть и серьезным, и озорным, Николай Ивакин приглянулся многим режиссерам. Но самой интересной оказалась его встреча с Ефимом Дзиганом.

В то время Дзиган готовился к съемкам фильма «Мы из Кронштадта». Роль солдата Василия Бурмистрова он поручает Николаю Ивакину.

...Идет неравный бой. На моряков-балтийцев наступают хорошо вооруженные белогвардейцы. Неуязвима бьющая по матросам бронемашина.

И вот из окопа ловко и скрытно начинает пробираться к бронемашине красноармеец. Бросает гранату. Умудряется

выйти к бронемашине с тыла и забраться на нее. Потом винтовкой стучит по крышке люка и с эдакой крестьянской основательностью, с неподражаемым народным юмором говорит:

– Эй, хозяин! Вылазь.

А когда с делом покончено, прямо на бронемашине солдат закуривает самокрутку.

Это – лучшая роль Николая Ивакина.

Наверняка, он сыграл бы и другие значительные роли, как его друзья Виталий Дмитриевич Доронин, Борис Федорович Андреев, ставшие прославленными, любимыми народом артистами.

Но жизнь дяди Коли рано оборвалась: в 1941 году, эвакуируясь из Одессы, где снимался, он погиб под бомбежкой вместе с женой и только что родившимся сыном.

В Бабаниной комнате на стене висели фотографии всех шестерых ее детей. В разное время наше воображение занимали то прапорщик дядя Ваня – щеголеватый, с лихими усами, с саблей на боку; то изящная гимназисточка – тетя Таля. Но более всего нам нравилось рассматривать фотографию дяди Коли. Ведь именно он в фильме «Мы из Кронштадта» ведет себя так удало и лихо!

Удивительно ли, что картина эта была для нас самой любимой и дорогой?

Сначала наша Бабаня слушала, как мы ахаем, молча, но однажды сказала:

– Чего ахают? Это ж кино. У вас другой дядька есть, вот кто подвиг-то совершил. Взаправдашний.

– Это кто же? – несколько иронически спросил отец.

– Как кто? Да Васька Клочков. Он же моей сестры Настасьи сын.

– Какой Васька? Какой Клочков? – отец стал серьезен и во все глаза смотрел на Бабаню. – Это политрук Панфиловской дивизии? Василий Клочков?

– Он самый. – Бабаня встала и хотела уйти.

– Пойдите. Что же вы раньше-то не сказали?

– А чего зря болтать? Родственник он вам дальний. А потом, про него и так много хороших слов сказано.

Так мы узнали, что легендарный Василий Клочков имеет родственные отношения с нашей Бабаней и, значит, с нами. Бабаня тоже была личность.

Вот она держит в руках двадцать копеек и говорит, глядя куда-то вбок:

– Ну-ка, внучек, чегой-то я не пойму: пятнадцать, что ли, это копеек?

Так она проверяет нашу честность. Оступись – тут же получишь от нее по загревку. Рука у нее была крепкая и костистая.

Хорошо я запомнил, как однажды она отделала своего старшего сына, дядю Гришу, за такой вот «подвиг»...

Как-то ночью я проснулся от приглушенного, сдавленного и потому громкого шепота дяди Гриши:

– Алексей! Алексей, слышь? Да вставай! – Он будил нашего отца. – Нельзя свет включать! У меня фонарик... Лежи, Нина, тебя не касается!

– В чем дело, Гриш? – сонно спросил отец.

– Лезут! К нам лезут!

– Кто лезет? Чего ты, в самом деле?

– Дурень, воры! К нам! Я проснулся, они ставни-то щеперят...

– Ну и шуганул бы их, – отец уже был на ногах, мы тоже.

Наша комнатка была рядом с родительской, отделялась занавеской.

Мама засветила керосиновую лампу, до предела увернув фитиль. Стал виден дядя Гриша – он был огромного роста, с крупным, мясистым лицом. Лоб его блестел от пота.

В руках дядя Гриша держал охотничье ружье. Он был геологом.

– Брысь отсюда! – зашипел на нас дядя Гриша и так замахнулся, что мы в страхе отстранились. – Чего делать-то будем, Алексей? Садануть, что ли?

– Ты чего... Ну, балуются ребята. Поговорить с ними надо.

– Да ты в уме? А вдруг это «Черная кошка»?

В то время в Саратове, как и в других городах, гуляла легенда о страшной банде грабителей «Черная кошка».

– Алексей, в самом деле, – начала было мама, но отец отмахнулся и вышел из комнаты. Дядя Гриша – за ним, мы –

следом. Остановились на пороге кухни, откуда была дверь на веранду.

Послышались звуки отпираемых задвижек, замка, скрип двери. Отец вышел к бандитам.

Что он наделал!

Мы потихонечку вышли на веранду, где стояли дядя Гриша, мама, Бабаня. Дядя Гриша стоял у двери, приложив к ней ухо. По-прежнему с ружьем.

– Гриша, – сказала мама, но он на нее цыкнул, и она замолчала.

В палисаднике слышались голоса. Незнакомые... Отца...

Чирканье спички о коробок... Опять голос отца...

О чем они говорят так долго?

Шуршанье... Стук калитки в палисаднике... Потом стук в дверь.

Дядя Гриша отскочил назад и по-бойцовски выставил ружье.

– Откройте, – услышали мы голос отца. Мама словно очнулась и быстро отперла дверь.

– Ну, вы молодцы!

Я видел, что лицо отца перекосила нехорошая улыбка.

– Крепко закрылись!

– Да погоди! – перебил дядя Гриша. – Воры где?

– Говорил, что пацаны. Ну, дал закурить, урезонил. Вот они и ушли.

– Как урезонил? Как ушли? – дядя Гриша ничего не по-

нимал. В его огромной голове не укладывалось, что с ворами, оказывается, можно поговорить, найти такие слова, чтобы они ушли.

Однако не только для дяди Гриши – для всех нас поступок отца был удивителен.

Бабаня передала керосиновую лампу маме и своим большим согнутым пальцем, выставленным вперед, крепко стукнула дядю Гришу по лбу:

– Балда! Нет, чтоб помочь, так он и дверь закрыл! Балда!

И еще раз стукнула, и еще.

– Да ты чего, мама, ты чего? – дядя Гриша пятился, отступая от Бабани, защищаясь ружьем, вытаращив глаза и вскрикивая от боли.

Был он так смешон, что мы не выдержали и захохотали.

Берег реки

На берегу реки было два чуда: музыка и кино. Музыка звучала вечерами на спортивных станциях «Динамо», «Локомотив», «Буревестник».

Эти станции представляли собой небольшие деревянные дебаркадеры, над которыми поднимались вышки для прыжков в воду. Деревянные понтоны, пригнанные друг к другу, составляли правильные четырехугольники, примыкавшие к дебаркадерам, – таковы были бассейны.

Мы купались точно в такой же воде, какая была в бассейнах, но там, всего лишь в нескольких метрах от нас, шла совершенно иная жизнь. Особенно примечательной она была вечером, когда на спортивных станциях зажигались огни – зеленые, красные, желтые. Пловцы сидели и стояли у самой вышки. Парни – в белых брюках, теннисках или футболках, в белых ботинках из парусины, начищенных зубным порошком, девушки – в легких цветастых платьях. Они смеялись, переговаривались и слушали музыку.

Да, в музыке-то и было все дело.

Мы садились на песок и тоже слушали – новые песни, старые, которые полюбили, а плохая музыка, как мы считали, здесь не звучала.

Через реки, горы и долины,

Сквозь огонь, пургу и черный дым,
Мы вели машины, объезжая мины,
По путям-дорожкам фронтовым...

Мы тихонько подпевали, улыбались, и на душе у нас было очень хорошо.

Потом звучало танго, и пловцы танцевали. Парни держались прямо, делали замысловатые «выходы». А грудной, мягкий и чуть загадочный голос певицы проникал прямо в сердце:

В этот час, волшебный час любви,
Первый раз меня любимой назови,
Подари ты мне все звезды и луну,
Люби меня одну...

Да, была пора первых влюбленностей, пора ожидания какой-то новой, необыкновенной жизни. Казалось, еще день, два – и она наступит.

Эти смутные ожидания нового, как я теперь понимаю, заставили брата поскорее покончить со школой. Он пошел учиться в строительный техникум. Отец выбор одобрил: теперь, после войны, строители очень нужны.

Но очень скоро я заметил, что и о техникуме, и об учебе Толя ничего не говорит. Мне было интересно, я задавал вопросы, а он или отшучивался, или занимался своими делами – чаще всего «моторчиком». Это была самодельная радиола,

которая довольно неплохо работала. Детали (адаптер, динамик и т. д.) доставались самыми разнообразными путями, иногда фантастическими.

Как и пластинки. Рядом с любимыми песнями, записанными на черных рентгеновских пленках, появились и толстые пластинки Апрелевского завода – арии из опер и оперетт.

В тот год на гастроли в Саратов, почему-то зимой, приехала оперетта из Иванова. Нам очень понравился «Вольный ветер», и мы с ума сходили от куплетов Фомы и Филиппа:

Есть у нас один моряк,
Он бывал во всех морях,
Где не плавал ни Колумб, ни Беринг...

Однажды нашу музыку прервал неожиданный визит. Пришла незнакомая худая женщина в очках, в потертом пальтишке:

– Я куратор курса, на котором учится ваш сын Анатолий...

«Куратор» прозвучало как «экзекутор».

– Вы знаете, что Анатолий второй месяц не ходит в техникум?

Отец и мать не нашлись что ответить, только глазели – то на педагога, то на Толю.

От чая куратор отказалась, ушла, получив заверения, что будут приняты самые строгие меры... вплоть до ремня.

– Ну, чем же ты занимался? – грозно спросил отец.

– В кино ходил... в театр.

– Куда?

– В театр. На оперетту.

– Вот как! В оперетку, значит! Поглядите-ка, выискался ценитель субреток!

Повисла тягостная пауза. Было слышно, как всхлипнула мама. Слово «субретка» я услышал впервые и запомнил его.

– А где же ты деньги брал? – вдруг спросила мама.

– Две простыни на Пешке толкнул.

(Пешкой называли у нас рынок, где торговали овощами, яблоками, сезонными ягодами, барахлишком, скобяными товарами.)

Мама всплеснула руками.

– А я-то их обыскалась!

Отец сжал кулаки. Говорил, срываясь на крик, что в шестнадцать лет был в ЧОНе (часть особого назначения для борьбы с контрреволюцией), в двадцать – председателем завкома.

Толя был бледен.

– Я отдам... Пойду на завод...

– На какой завод? – ужаснулась мама.

– Весоремонтный. Я уже ходил, спрашивал...

– Почему весоремонтный? – несмотря на драматичность ситуации, отец неожиданно хихикнул.

– Потому что он в центре города...

Действительно, в самом центре города был завод. Там

ухал молот, что-то гремело и скрипело, и, когда я проходил мимо (рядом был кинотеатр «Ударник»), мне делалось страшновато: отчего там, за железным забором, так сильно гремит? И вот как раз в этот гром и скрежет, в это пекло и полез Анатолий.

Он стал слесарем-инструментальщиком.

Я не мог не заметить, что Толя довольно быстро переменялся – раздался в плечах, стал серьезней. Но стоило ему после работы поесть и немного отдохнуть, как я, нетерпеливо поёрзывая на стуле, говорил:

– Ну что, идем?

Толя нарочно тянул, делал вид, что идти ему никуда не хочется.

А потом резко вскакивал:

– Вперед!

И мы неслись в кино.

К тому времени отцу дали квартиру в каменном доме, неподалеку от Волги, на улице Октябрьской, 24. Теперь там висит мемориальная доска, которая установлена в 2019 году к 85-летию актера театра и кино Анатолия Солоницына.

Рядом с нашим домом были и «Пионер», и «Центральный», но мы мчались в «Синий платочек» – так мы называли кинотеатр, стоявший на берегу Волги. Это был огромный деревянный сарай, выкрашенный, как и пивные ларьки, голубой краской. Сидели на длинных скамейках, врытых в землю. Пол земляной, ноги мерзли. Но зато почти всегда здесь

можно было достать билет, а иногда прошмыгнуть и без билета.

Как из волшебного мешка, на экран нашего «Синего платочка» каждую неделю вытряхивались фильмы. «Индийская гробница»! «Железная маска»! «В сетях шпионажа»! А то и вовсе убийственный – «Тарзан»!

Удивительно, как среди этой мешанины кислого с пресным, талантливое и пошлого Толя сумел разобраться, отделить зерно от плевел.

Откуда нам было знать, какие фильмы смотреть, а какие нет?

В школе об увиденных фильмах можно было только шутиться – официально смотреть их нам запрещалось. Да и что могли знать наши учителя о Лоуренсе Оливье или Чарльзе Лоутоне, Вивьен Ли или Марлен Дитрих? Прочсть о знаменитых актерах, режиссерах было негде – разве что на неряшливых фотографиях, которые покупались на базаре. По этим перепечаткам кинокадров, «карточкам», мы и узнали, что в «Тарзане» играет Джонни Вайсмюллер, а в «Двойной игре» – любимица девчонок Джанет Макдональд.

Толя пришел в восторг от Чарльза Лоутона. Разумеется, тогда мы не знали фамилии этого прославленного английского актера, любовь к которому брат сохранил до последних своих дней. Мы просто посмотрели «Мятеж на “Баунти”» и запомнили актера, который сыграл капитана Блая. После «Мятежа на “Баунти”» мы посмотрели другой английский

фильм – «Рембрандт».

Картина только началась, а Толя радостно шепнул мне:

– Это он!

– Кто – он?

– Артист, ну, в фильме «Мятеж на “Баунти”».

– Да ты что?

Лоутон в образе великого живописца был совсем-совсем иным, и я не узнал актера.

– Говорят тебе, это он! – шепнул Толя и отодвинулся от меня в знак презрения.

Этот фильм нам понравился гораздо больше, чем предыдущий, особенно финальная сцена. Теперь я понимаю, что она сделана сентиментально, с явным расчетом на мелодраматический эффект, но тогда она нас буквально пронзила...

Вот нищий старик – опустившийся, с лицом, изрезанным морщинами, в котором мы с трудом узнаем великого художника, подходит к сторожу и просит его: «Пусти меня, мне надо посмотреть картину...» Сторож мнется, и тогда Рембрандт дает ему золотой. Проходит в зал, видит свой «Ночной дозор»... Картина в пыли.

Рукавом художник стирает пыль, и лица на полотне словно оживают, смотрят на нас... Рембрандт улыбается. «Почему ты смеешься, безумный старик?» – спрашивает сторож. «Я смеюсь потому, что не зря прожил жизнь», – отвечает художник, и глаза его зажигаются тем самым огнем, который горел, когда он писал «Ночной дозор»...

С годами я понял, что нравилось Анатолию в кино – исключительная правдивость.

Мы стали «собирать артистов». Завели альбом, аккуратно вклеивали туда фотографии.

Мама сохранила этот альбом. Там фото Михаила Жарова – он подпирает подбородок так, чтобы были видны наручные часы; там узенькая ленточка – кадры из «Возвращения Василия Бортникова»; там Лоуренс Оливье и Вивьен Ли в фильме «Леди Гамильтон», там целый мир...

Райские яблочки

Стоит дивная, необыкновенная осень. Говорят, такой благодати ни у нас на Волге, ни в Москве не было уже больше ста лет.

Как раз на эти последние дни лета приходится день рождения Толи. Удивительно, что именно в этот день, 30 августа, отошла к Господу наша мама.

Я думаю о ней, и вижу ее лицо. Она улыбается, зубы у нее белые, глаза карие, на лбу и на висках завитки черных густых волос – как у Кармен. Лицо это самое красивое в мире – так я считал лет, наверное, до шестнадцати.

Мне было двенадцать лет, брату – шестнадцать, когда он, как вы уже знаете, пошел работать на завод.

Есть один памятный день в веренице годов, о котором мне хочется вспомнить сегодня, – как мы с Толей решили отметить мамин день рождения.

...Вот мы уселись за стол. Передо мной лежал чистый тетрадный лист. Я обмакнул перо в чернильницу и приготовился записывать все, что мы решим купить к праздничному столу. Отец в командировке, и нам с братом выпало отметить мамин день рождения.

– Так. Картошки – два кило. Нет, лучше – три.

Почерк у меня хороший, меня за него хвалят, я отличник, а Толя вечно спешит.

– Так. Помидоры – кило. Нет, там посмотришь – штуки три возьми. Но хороших, крупных. Понял? Дальше. Лук, петрушка, укроп. Лучше возьми пучок. Но смотри – чтобы свежее все было!

– Да знаю! – раздраженно ответил я.

– Не ерпенься, пиши. Лук репчатый. Спросишь у бабок, чтоб был сладкий.

– Знаю.

– Ничего ты не знаешь. Слушайся, когда старшие говорят. Так. Огурцов соленых – штуки три. Хорошо бы свеженьких... Да где их сейчас взять! Ладно. Будет у нас салат, подсолнечное масло есть. Пожарим картошечки... Что еще? Конфеты я сам куплю, в магазине... И печенье...

– Может, пирожное? Хоть одно?

– Наверное... На нашем заводе я видел в киоске ром-бабы... Знаешь, сверху политы коричневой такой подливкой, как куличи...

– А дорогие?

– Посмотрим. Так. Хлеб у нас есть. Картошечка, салатик, потом чай... Может, сварганим и щи?

– Можно. Тогда надо капусты, какой-нибудь приправы...

– Приправа у нас есть, я смотрел. Пиши – вилок капусты... Кажется, все. Вот тебе пятерка. Держи. Как придешь с базара, начинай чистить картошку, поставь кастрюлю с водой. Не забудь посолить... Так. Еще что, не забыть... Правильно, деньги засунь в «пистончик». Если останется что,

принесешь... Я как с завода приду, чтобы вода уже кипела... И все нарезано было... Понял?

Я спрятал пять рублей – купюру темно-синего цвета с гербом Советского Союза посередине – в маленький кармашек брюк, который и назывался «пистончиком». Успокаивающе кивнул брату.

Он проверял, все ли нужное взял на работу. Толя выше меня почти на голову, светловолос, голубоглаз – в отца. А я себе кажусь ужасно маленьким, у меня вихор черных волос загибается, глаза карие, щечки румяные, мне ненавистно мое лицо, хотя все говорят, что я «в маму». А уж когда говорят: «Какой хорошенький» или «Славный мальчик», я готов в ответ сказать что-нибудь грубое, обидное, чтобы не сюсюкали.

– Ну, Але (так он меня звал), не подведи. Я на тебя надеюсь.

– Не беспокойся.

Толя ушел на завод, а я быстренько собрал кошелку и отправился на Пешку.

Овощной ряд находился под деревянным навесом. Прилавки – длинные доски, на которых выставлены выращенные в садах-огородах овощи и фрукты. Почему-то покупателей почти не было, я это хорошо запомнил. Продавцы, в основном бабушки, обрадовались, увидев меня.

– Смотри-ка, какой покупатель пришел, – сказала одна из них, улыбаясь. – Чего тебе, голубок?

Я зло посмотрел на бабуку, потому что она назвала меня «голубок».

Степенно достал список, составленный дома, уставился в него.

– Так, – сказал я, подражая брату, – прежде всего картошка...

– Возьми у меня, – сразу вмешалась бойкая бабушка, стоявшая рядом с той, которая назвала меня «голубком».

– А почём? – я взял одну картошку, придирчиво рассматривая ее.

– Дак дешевче не найдешь. А посмотри, кака картошечка. Хоть на выставку.

– И правда, бери у нее, – посоветовала бабка-«голубка». Все они были в платках, похожи друг на друга. Но эту, первую, которая вступила со мной в разговор, я все-таки запомнил. По глазам, по кругленькому лицу, как у нашей Бабани, которую мы любили и в первые годы приезда в этот город жили у нее. И еще по улыбке, которая не сходила с ее как будто выглаженного, без морщин, лица.

– Что у тебя там в списке? – спросила она и протянула к моему тетрадному листочку руку. Я уже перестал злиться на нее, рассмотрев, что она похожа на нашу Бабаню. Я отдал ей листок, она приблизила его к лицу.

– О, как хорошо ты пишешь! Хорошо учисси? А что эт тебя на рынок послали?

– Я отличник, – снисходительно сказал я. – Мне доверяют,

вот и послали. У матери день рождения. Брат на заводе, мать на работе.

Я следил, как бойкая старушка взвешивает мне картошку – боялся, как бы не положила «под шумок» гнилья. Но картошка оказалась и в самом деле отличной. Полез за деньгами, но тут еще одна старушка, которая торговала репчатым луком и зеленью, подозвала меня к себе. Мой тетрадный листок перекачывал от одной старушки к другой. Они смотрели в него, одобрительно кивали, оценивая мой почерк.

– А где отец? Нету? С войны не вернулся?

– Вот еще! В командировке. Потому мы с братом решили сегодня сами стол накрыть.

– О-о-о!

– Молодцы!

– И готовить умеешь?

– А то! Сколько раз на рыбалке уху варил. А щи и того проще. Надо вот только вилок хороший выбрать.

– Это у меня, – сказала еще одна бабушка. – Выбирай.

– А мясо-то для щей есть?

– А лаврушка? Перец? – наперебой интересовались бабушки.

– А еще хорошо приправу положить. Вот у меня тут есть, возьми-ка. Тут всякого я понабрала – хоть для щец, хоть для борща. Хоть если что мясное жарить.

– Мяса у нас кусочек небольшой. На щи хватит, – важно ответил я и взял из рук одной бабушки свой листочек.

– Так. Кажись, все...

– Нет, не все, – сказала еще одна бабушка, стоявшая самой последней в ряду. – Погляди, какие у меня яблочки. Ранетки. Одна к одной. Все спелые, все вкусные.

– Не, яблочки мне не положены. Не смогу.

– Сможешь! Ну-ка, дайте мне его сумку. Это тебе будет с походом!

«С походом» у нас говорили, когда давали бесплатно сверх того, что ты просил.

Бабушка насыпала мне ранеток, аккуратно упаковала все купленное.

– Ну вот, теперь все, – сказала бабушка, которую я про себя назвал «ранеткой». – Готовить, что ль, сейчас начнешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.